

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

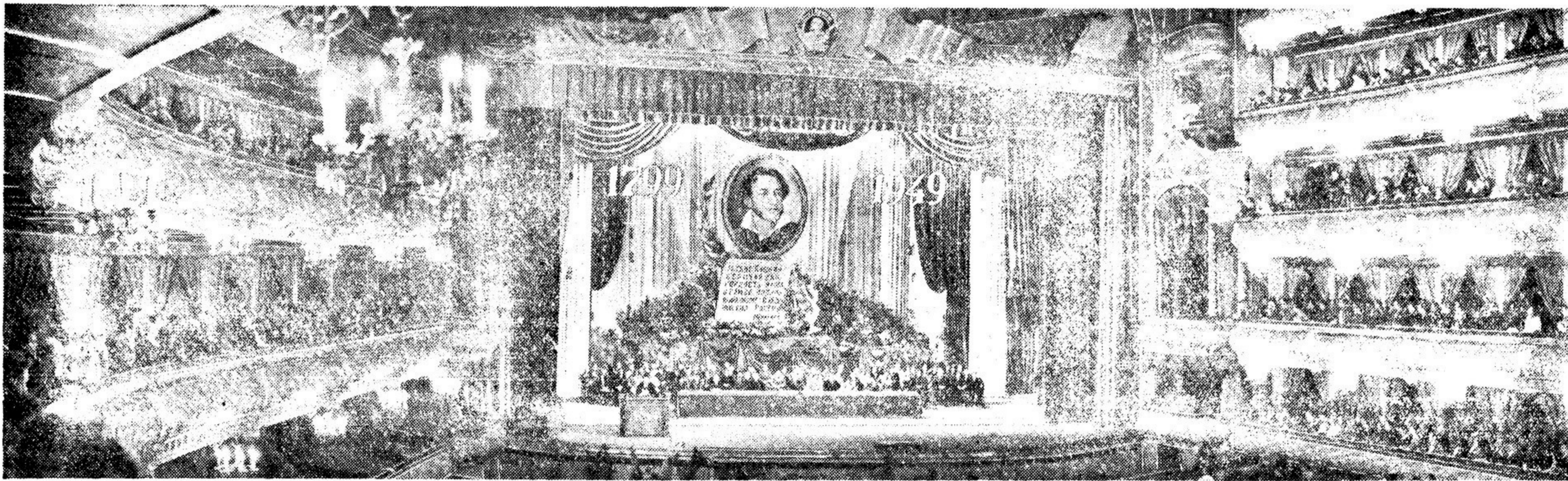
№ 46 (2533)

Среда, 8 июня 1949 г.

Цена 40 коп.

Я памятник себе
воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет
народная тропа...

А. С. ПУШКИН

Торжественное заседание в Большом театре Союза ССР, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С докладом выступает К. М. Симонов.

Фото Е. ТИХАНОВА

Светлый и всеобъемлющий гений

Речь А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР

Вся наша советская страна, а вместе с ней и все прогрессивные люди мира празднуют столетие со дня рождения гениального сына русского народа, великого поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В течение всей его творческой жизни и вот уже более ста лет после его смерти светлый гений Пушкина оплодотворял и оплодотворяет все самые лучшие, передовые, сознательно отдающие себя на служение народу силы, действовавшие на Руси за это время. И не только на Руси. Мощное влияние его гения испытали и испытывают лучшие люди народов, которые великая Русь сплела в «союз нерушимых республик свободных», и братских славянских народов. Его поэзия непосредственно и через наследовавшую ее великую русскую литературу вошла в мощную струю в мировой поток человеческой культуры. Но только Великая Октябрьская социалистическая революция в России и более чем тридцатилетняя работа по коммунистическому воспитанию и просвещению народа, проводимая в нашей стране под руководством великой партии большевиков, превратили наследие Пушкина в подлинное народное достояние и раскрыли истинное значение его гения для народа.

За время советской власти сочинения Пушкина распространены в народе в количестве более 50 миллионов экземпляров на 76 языках. Это значит, что в среднем каждая семья в нашей стране имеет Пушкина. Это значит, что великое наследие Пушкина подается и несет в своих руках вся новая советская индустриальная колхозная Россия, все народы Советского Союза. Пусть-ка попробуют хоть что-нибудь противопоставить этому факту развития народной культуры в СССР — современные «слепяки России», враги нашей страны социализма, враги собственных народов, охотники буржуазной культуры, давно позабывшие и ослепшие своих отцов и дедов и кричащие о «свободе» и «демократии» призывающие все более полугну, все более отравленную завистью от своих хозяев — империалистов!

В то время, когда эти господа, проповедники человеконенавистничества и мракобесия, певцы атомного оружия и рабской зависимости от скудного американского долларика, делают решительные все для того, чтобы истребить в собственном народе всякую память о лучших истоках национальной культуры, довести народ до того состояния невежества, при котором его удобнее всего было бы использовать в целях войны к выгоде империалистов, — наш советский народ, строящий коммунистическое общество, бережно и гордо поднимает над миром великое наследие Пушкина.

Мы понимаем и ценим свободулюбие Пушкина, потому что мы — самый свободный народ на свете. Нам по душе светлый материалистический разум Пушкина, потому что наш народ — хозяин своей земли, первый овладевший законами развития общества, своими руками создавший свое светлое будущее. Нашему сердцу отвечает патриотизм Пушкина, его любовь к родной стране, потому что, освободившись от пут эксплуатации, наш народ кровно связан со своим отечеством, создан

ной нашими руками страной социализма. Только нам до конца раскрылась народность поэзии Пушкина, потому что мы — свободные потомки великого народа, породившего Пушкина. Нас вдохновляет жизнерадостность его поэзии, потому что мы — самый жизнерадостный и счастливый народ на свете, сознающий свои силы и уверенный в своем будущем. Мы восхищаемся ясными и простыми формами его поэзии, потому что правдивая простота и ясность — это стиль нашей жизни.

Да, мы имеем счастье и счастье заявить перед всем миром, что мы гордимся нашим Пушкиным, гордимся, в частности, и тем, что светлый и всеобъемлющий гений его поэзии был порожден нашим народом еще на заре прошлого века, когда гигантские силы народа были еще скованы. Какие же неискаемые чистые родники таланта были сокрыты в нашем народе, если он в тех условиях породил Пушкина!

Но если на волне национального подвига, вызванного победой над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года, освобождением Европы от его тираннии, если на ранней заре освободительного движения в России наш народ выдвинул Пушкина, то какие же требования вырвае предъявлять к нам, современным деятелям культуры, великий советский народ, разбивший и развешивший в прах темные силы старого мира, построивший свободную страну социализма, осуществивший вековую мечту о братстве народов, раскрывший в каждом человеке все силы свободного развития его личности! Какие требования вырвае предъявлять нам, своим сынам и дочерям, народ, одержавший победу над германским фашизмом, этой самой мощной и агрессивной силой империализма из тех, какие до сей поры пытались овладеть миром, какие требования вырвае предъявлять нам, советской интеллигенции, народ, освободивший Европу от ига гитлеризма и объединивший вокруг великого благородного знамени Ленина — Сталина мировые силы прогресса и демократии!

Велики заслуги нашей интеллигенции перед советским народом. И нет другой такой страны в мире, где интеллигенция была бы так облагодетельствована и окружена такой его любовью. Но в торжественный день, посвященный памяти Пушкина, народ вправе мерить каждого из нас великой народной пушкинской мерой. И народ вправе сказать нам:

Ждем от вас большего!

Вперед и выше, славные сыны и дочери народа!

Шире, глубже овладевайте всеми передовыми знаниями и богатствами культуры в свете ленинско-сталинского учения!

Смелее, настойчивее штурмуйте слабые вершины творчества, учитесь мастерству, черпайте полной пригоршней все самое лучшее из сокровищницы народотворца!

Будьте во всем и всегда новаторами-революционерами, преобразователями мира, подобно великим учителям народа Ленину и Сталину!

Вперед, сыны и дочери народа, в наступление на все силы угнетения и порабощения в мире, как бы они ни маскировались или действовали открыто, вперед широким фронтом во всеоружии правды и разума, под победоносным знаменем Ленина и Сталина!

Александр Сергеевич Пушкин

Доклад К. М. Симонова на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года

I.

Мы празднуем сегодня 150-летие со дня рождения величайшего русского поэта, великого писателя, критика и деятеля русской литературы — Александра Сергеевича Пушкина. Мы не просто отмечаем этот день, мы имеем праздновать его, потому что великая деятельность Пушкина и его гениальные произведения — это праздник русской литературы и русской культуры.

Пушкин совершил работу небывалую в истории русской и в истории мировой литературы. Он одновременно сам блестяще преобразовал русский литературный язык, и сам же создал на этом преобразованном им языке самые блестящие классические произведения русской поэзии.

Ясный, светлый разум и пламенное чувство равноправно и гармонично соединились в его стихах с кристальной прозрачностью и чистотой языка, о высоко современной и истинно народной в своей мудрой простоте формой.

Стихи Пушкина — это вечный памятник поэзии. Это на долгие века вперед постоянное, живое опровержение всех и всяческих формалистических мудствований, всей мелкой болтовни мнимых «сверхчеловеков», являющихся не понятыми современниками, но пишущими «для потомства».

Творчество Пушкина — величайший образец поэтического совершенства и, вместе с тем, простоты, величайший образец для всех художников, желающих служить народу.

Александр Пушкин родился в Москве 26 мая (6 июня) 1799 года. 4 июля 1814 года в журнале «Вестник Европы» вышло в свет его первое стихотворение «Б другому стихотворцу». С тех пор, в продолжение 23 лет — до 1837 года, он отдавал свою жизнь литературной и общественной деятельности громадного, неизмеримого размаха, деятельности, которая законно сделала его гордостью русского народа.

Пушкин родился в тот год, когда русские войска под водительством Суворова на равнинах Северной Италии и в горах Швейцарии впервые и победоносно встретились с войсками Наполеона, в те дни уже некоронаванного диктатора Франции. Пушкин печатал свое первое стихотворение в тот год, когда русские войска после пожара Москвы, после изгнания «двунадесяти языков» из пределов России победоносно вошли в Париж.

Великий гений русского народа, человек, стоящий у истоков небывалого расцвета русской культуры и литературы, русского классического реализма, человек, наследием которого являются сказки и считавшиеся все последующая передовая русская литература, Пушкин в то же время сам являлся наследником глубоких национальных культурных и литературных традиций, существовавших в России ко времени его вступления на поэтическое поприще.

При всей исключительной личной гениальности Пушкина, он бы не мог так мощно во всех областях творчества развить свой гений, если бы для этого не была уже подготовлена почва и самим ходом развития русского общества, в деятельности целого ряда выдающихся представителей русской культуры и литературы на протяжении многовековой истории России.

Невозможно представить себе расцвет пушкинского гения, не вспомнив об эпических русских летописях, о могучих русских былинах, о многовековом песенном творчестве русского народа, о замечательных творениях древней рукописной русской литературы, таких, как «Слово о полку Игореве».

XVIII век, в последний год которого родился Пушкин, по его собственному определению, был «горячий век военных споров, свидетелем славы россиан». В этот же русское государство развинуло свои границы, вернуло потерянные в прошлые века владения на севере и юге и, разбив шведов и турок, вновь овладело свободным выходом к Балтийско-

му и Черному морям. По выражению Пушкина, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль,—при стуке топора и при громе пушек».

Это был век, богатый сильными и самолюбивыми русскими талантами. Это был век Ломоносова, который, как сказал Пушкин, «...был первым нашим университетом».

Это был век Радищева, про которого Пушкин говорил: «...как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?» Это был век Державина, Фонвизина, молодого Карамзина, молодого Крылова, Новикова.

Этот век в области культуры и литературы был для России веком быстрого и самолюбного развития. Пушкин в своей статье «Российская Академия», штурмуя Карамзина и разделяя в этом случае его мнение, писал:

«...наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная озорность: мы зреем не веками, а десятилетиями».

Во многих критических сочинениях много и несправедливо писалось о XVIII веке, что он в области литературы был якобы эпохой слепого подражания иностранным образцам и что Пушкин пренебрегал традициями русской литературы XVIII века.

Но этот взгляд одинаково ложен и по отношению к Пушкину и по отношению к русской литературе XVIII века. Она развивалась в трудных условиях. Петр I, выплеснувший в историю русского государства многие величественные страницы и осуществивший важные реформы в ряде областей государственной жизни, в то же время, слитком во многом пренебрегая национальными русскими традициями, искусственно насаждал чуждые России западноевропейские порядки и навязывал России иностранные, в первую очередь немыслимые. В результате этого в правящих кругах русского общества в XVIII веке создались грубое и своекорыстное иностранное засилье.

В этой обстановке, когда утвердившаяся у кормила правления иностранщина требовала от русской культуры, науки и литературы безусловного подражания западным образцам, нужны были поистине великие и самолюбивые таланты, чтобы пробивать эту чуждую стену и расширять круг своих врагов так, как это делал гениальный Ломоносов, так, как это делал Радищев, так, как это делал Державин и другие крупнейшие русские деятели XVIII века.

Они многому учились у Запада, но они во многом ушли и обогнали его. Недаром Пушкин с гордостью писал, что Ломоносов произвел свои электрические опыты до Франклина. Недаром он же писал, что Крылов, по его мнению, выше Лафонтена. Недаром «Путешествие» Радищева было бесконечно более революционным произведением, чем сочинения французских либералов. А если представить себе реальную обстановку екатерининского самодержавия, то выход этой великой книги в то время был шагом, ни с чем не сравнимым по своей самолюбной русской революционной смелости.

Русская литература до Пушкина, борясь с узаконенным и поощряемым правящими кругами влиянием западной литературы, преодолевая это влияние, стремилась опереться в своих произведениях на русскую жизнь, на русские традиции, на приходившую перед их глазами русскую современность.

Ко времени выхода на печать первых стихов Пушкина в русской литературе было еще много подражательного, но главным в ней было свое, национальное.

Недаром Пушкин в юношеских стихах, переписывая писателей, интерес к которым пробудился у него в лицейские годы, называл рядом Державина и Горького, Крылова и Лафонтена, Фонвизина и Мольера. Если к этому прибавить поэзию Жуковского и Батюшкова и историческую прозу Карамзина, то мы увидим, что у Пушкина к началу его поэтического пути были гораздо большие и сильные традиции русской ли-

тературы, являвшейся в его сознании равноправной частью литературы мировой.

II.

Пушкин вступил на литературное поприще, прекрасно понимая не только то, какие большие русские литературные традиции стоят за ним, но и то, какое великое историческое прошлое стоит за плечами русского народа.

Незадолго до смерти, в 1836 году, возвращаясь к этому вопросу, в одном из своих писем он дал резкую отповедь Чаадаеву.

«Что же касается нашей исторической ничтожности», — писал он, — то я решительно не могу с вами согласиться... Прогресс России, развитие ее могущества, ее движение к единству... Как, неужели все это не история?... Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»

Невозможно представить себе появление Пушкина без великой истории России. Невозможно представить себе его без тех великих событий в истории России, которые непосредственно предшествовали появлению его как поэта, без событий Отечественной войны 1812 года.

Белинский в своих статьях о Пушкине писал:

«...12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, до того неизвестные источники сил, чувство общей опасности сыпнула в одну огромную массу косневшие в чувстве раздельных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость... Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европой, пройдя по ней путь побед и торжеств. Все это сильно способствовало возрастанию и укреплению возникшего общества».

И сам Пушкин именно так смотрел на Отечественную войну двенадцатого года.

«Слава Кутузова», — писал он, — неразрывно соединена со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории».

Он считал эту войну величайшим событием новейшей истории. Он считал ее войной народной. Он писал, что «одни Кутузов мог предложить Бородинское сражение... ибо Кутузов один облебен был в народную доверенность...».

Он говорил о военачальниках двенадцатого года: «Начальники народных наших сил». Он вспоминал в своих стихах, как много, мальчишка, шло народное ополчение — «братская пехота». Пушкин сам рассматривал это величайшее событие новейшей истории как огромный шаг вперед для русского народа и русского общества. Он смотрел на всю русскую историю уже с точки зрения народа, почувствовавшего свои громадные силы, воспитавшего их в победоносной борьбе с завоевателями, поработившими до этого всю Европу, и поэтому глядящего на все свое прошлое, как на прошлое великого, сильного, победоносного народа.

Таковы были взгляды Пушкина. Но в само его появление, как поэта, как величайшего художника, самый объем и мощь его деятельности были обусловлены рождением Отечественной войны подъемом чувства национального достоинства, подъемом общественной жизни, рождением в свою очередь подъем русской литературы, подъем чувства собственного достоинства в этой литературе.

Короткая жизнь Пушкина, охватывшая собой первую треть XIX века, жизнь, в первые годы которой был еще жив Радищев, а в последние годы уже выступил в литературе Белинский, соотнеслась во времени бурному и богатому событиям периоду русской и мировой истории. Пушкину 16 лет, когда вторичным вступлением русских войск в Париж кончалась наполеоновская война. Ему 17 лет, когда возникает декабристский

«Союз спасения». Ему 21 год, когда происходит революция в Испании и в Пезаноле. Ему 22 года, когда восстает против турок Греция. Ему 26 лет, когда на Сенатской площади разражается декабрьское восстание. Он встречает свое 30-летие в годы русско-турецкой и русско-персидской войн, революции во Франции и польского восстания.

Эти годы богаты событиями и в русской литературе: появляются басни Крылова, статьи Белинского, первые вещи Лермонтова. Но главные события, какими наполнена эта эпоха в русской литературе, это, конечно, события, связанные с появлением произведений самого Пушкина, начиная с первых рукописных списков «Деревни», оды «Вольность», «Последняя Чаадаеву» и кончая «Капитанской дочкой» и последними статьями в «Современнике».

Каждое из его произведений, пропущенное цензурой и напечатанное, становится предметом обсуждения на страницах журналов и газет. Каждая его строка, независимо от того, напечатана она или ходит в списках, становится достоянием всего русского мыслящего общества, предметом обсуждения, поклонения, восторгов в слове.

Впитав в себя драгоценные традиции отечественной литературы, обогатившись глубоким знанием отечественной истории, включая в круг своего писательского влияния все достижения мировой литературы, от греков и римлян до современных ему Байрона, Гете и Вальтера Скотта, Пушкин всю свою писательскую жизнь посвящает открытию новых путей для русской, а тем самым и для всей мировой литературы.

В итоге своей деятельности Пушкин создал первый в русской и мировой литературе реалистический роман в стихах — «Евгений Онегин» и первую историческую реалистическую повесть — «Капитанская дочка». Он создал классический реалистический очерк — «Путешествие в Арзрум» и первую реалистическую русскую историческую драму — «Борис Годунов».

Он был во всем самолюбив и самостоятелен, не только как великий художественный гений, но и как принципиальный борец за самолюбное развитие русской литературы. В этой самолюбности он видел залог величия родной литературы. Он видел залог этого величия в ее патристических корнях, в питающей ее народной стихии. Недаром он так строго судил те из своих первых произведений, которые сам считал не вполне самолюбными и не вполне свободными от чужих влияний.

«Кавказский пленник», — писал он, — первый неузнаваемый опыт характера, с которым я насылаю саиды... «Бахчисарайский Фонтан» слабее Плетникова, и, как он, отнимается чтепнем Байрона, от которого я с ума сойду».

Но вот идут годы. Растет и развивается его гений, и он пишет о «Полтаве»: «это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся».

Пушкин — основоположник новой русской литературы, он был создателем реализма нового типа, реализма, который свое богатейшее развитие нашел в прогрессивной русской литературе. Пушкин не только создал великолепные реалистические картины жизни русского общества, но только вывел на сцену народ в народных типах и характерах, но он первым сосредоточил свое внимание на великих прогрессивных задачах, стоявших перед человечеством.

Он осудил в своих произведениях крепостническую мораль и варварские крепостнические нравы, осудил рабство прямое и рабство; замаскированное мнимым демократическим буржуазным порядком; он осудил пассивность, корысть, упадочничество человеческого достоинства, он провозгласил великие принципы свободы, гуманизма и просвещения.

Когда мы говорим о его светлом гении, ПРОДОЛЖЕНИЕ см. на 2 стр.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вчера в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание Академии наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов в своем вступительном слове, характеризовав широкое и многогранное пушкинское творчество, остановился на деятельности Пушкина, как выдающегося ученого, прежде всего историка.

Он рассказал далее о той большой работе, которая проделана Академией наук по изучению творчества Пушкина и изданию его произведений.

— Слава советской стране, — восклицает президент академии, — подымающей наследие Пушкина на новую, невиданную ранее высоту!

Содержательный доклад доктора филологических наук Д. Благого был посвящен мировому значению А. С. Пушкина.

С приветственными речами выступили чехословацкий писатель Лао Новомеский, немецкий писатель Иоганнес Бехер, болгарский писатель Димитр Полянов, английский писатель Джек Линдсей. Тепло встретили собравшиеся негритянского певца, видного прогрессивного деятеля Америки, Пола Гобсона.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Доклад К. М. Симонова на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО см. на 1 стр.

то мы говорим о нем не потому, что солнце его поэзии одинаково согревало все, что попадало в его поле зрения, — мы говорим о его светлом гении потому, что он умел видеть и изображать ростки всего нового, светлого, передового в современной ему жизни.

При внешнем энциклопедическом сложившемся описании всегда ясна его точка зрения на события, и разве можно было дать более яркую и беспощадную картину дикого барского произвола, чем та, которую он дал в «Дубровском», описывая Трокурова, и разве можно себе представить более чистый и сильный образ замечательной русской женщины, чем тот, который он создал в «Евгении Онегине» в лице своей Татьяны.

Пушкин был реалистом и показал современное ему общество в его реальной обстановке. Его Татьяна не революционерка, но разве она не несет в своем образе задатки всего того, что так безгранично красиво развивалось в русской женщине в годы, когда она вышла на борьбу за свободу народа?

Разве мыслимы без своей предтечи — без Татьяны — русские женщины Некрасова, женские образы Тургенева, Чернышевского, Толстого, Горького?

Пушкин не писал утопий, но он с типичной силой заглядывал в будущее, он предугадывал, в какую сторону будут развиваться передовые характеры русских людей. Вот почему вся передовая русская литература училась у Пушкина. Вот почему ни один из великих русских писателей, обогативших русскую литературу вслед за Пушкиным, не мыслил без него, как без учителя. Его реализм был реализмом, возвышающим душу и именно поэтому далеко заглядывающим вперед.

III.

Человек большого общественного кругозора и необыкновенной образованности, Пушкин был близок по своим взглядам к дворянским революционер-декабристам. Он не мог еще подняться до сочувствия идеям крестьянской революции, но, будучи убежденным врагом дикого крепостничества, он понимал, что противоречие между стоящим у власти дворянством и поработенным крестьянством — это основное противоречие в современной русской жизни. Его политические взгляды, соответствовавшие взглядам передового просвещенного дворянства в современных ему политических условиях, были глубоко прогрессивны. Ленин говорил, что «декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Его подхватили, расширили, укрепили, сделали революционер-рационалистом... Так определилась прогрессивная роль Пушкина в цепи развития передовой общественной мысли России. Выражая политические идеи просвещенного дворянства, декабристов, Пушкин выходил далеко за пределы узких, классово ограниченных взглядов той массы дворянского класса, которая в его время составляла опору самодержавия. Это сказалось в его произведениях, это сказалось в его взглядах и на историю и на современность.

Ленин писал, что русские могут гордиться тем, что они выдвинули из своей среды декабристов.

Трудно представить себе что-нибудь более негодное от идей декабристов, чем мятежные стихи Пушкина, посвященные аз обрел его сылку и изгнание. Пушкин не был на Сенатской площади (хотя впоследствии он имел мужество в глаза царю сказать, что будь он в этот день в Петербурге, он стал бы в ряды мятежников), но разве мы можем представить себе декабриста, не знавшего, не переплывавшего стихов Пушкина, не воодушевляемого ими?

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрыгнет от сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена.

— писал Пушкин юношей.

Ужель надежды луг исчез?
Но нет! — мы счастья наслаждамся,
Кровавой чащей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

— писал он в изгнании.

Радишев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не выжали —
Что нужды? Их и так иные
Прочтатели.

— дерзко писал он в «Послании пензенцу» незадолго перед декабрьским восстанием.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

— писал он декабристам, сосланным в сибирскую каторгу.

А через год, обращаясь к самому себе, спрашивал:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонности и терпенье
Гордой юности моей?

И он понес эту непреклонность и терпенье навстречу судьбе. В 1834 году он с горечью писал Жуковскому, упрекавшему его в сухости по отношению к царю: «...отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Но глубине сердца моего я чувствую себя правым... просить прощения? хорошо; да в чем?»

А в другом письме, как бы продолжая эту мысль, говорил: «...они смотрят на меня, как на холода, о которых можно поступать им, как им угодно... Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господа бога...»

Декабрьское восстание было разгромлено, декабристы казнены или сосланы. Наступила самая мрачная пора николаев-

ской реакции. Не только свободное слово, но и свободное дыхание было под затопом. Снизались допросы на Пушкина, читались его письма, шла слежка за ним. Он о каждом годе становился сдержаннее и осторожнее. Но его враги не хуже его знали, что это не смирение, а лишь осторожность и сдержанность: тому можно найти свидетельства в архивах Третьего отделения.

Общественная позиция Пушкина выражалась отнюдь не только в тех его распространявшихся в рукописях стихотворениях, где он прямо восставал против самодержавия. Она выражалась во всем его творчестве: в стихах, поэмах, романах, исследованиях, статьях.

Он сам превосходно понимал всю силу своего влияния на общество и все свое значение для России. Недаром в начале тридцатых годов он писал: «Могуче в начале, в последнее пятилетие царствования покойного государя я имел на состоянии литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое первенство средств».

К этой его оценке собственного общественного значения трудно что-либо добавить. Разве только надо сказать, что слово «министерство» в понимании, которое в него тогда вкладывали, означало правительство.

В самодержавной России, где правящая каста крепостников стремилась узаконить деление общества на две вечные категории — господ и рабов, — Пушкин не желал быть ни тем, ни другим. Он стремился, вопреки палочному абсолютизму Николая, быть гражданином своего отечества, стремился быть «свободным ни двору, а народу».

В своих сочинениях он высказывал на русскую историю взгляд гражданина своего отечества и мерил деятельность своих исторических героев мерой пользы их для дела отечества.

«Что привлекает внимание образованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих государственных преступлений?» — писал он в своих заметках о «Марфе Посаднице» Годовых. — «Драматический поэт — беспристрастен, как судья, — должен был изобразить столь же искренно отпор побуждающей воли, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании».

В этих словах, которые выводило оппонентом трактовавшая критика, как проявление безразличия и объективизма, на самом деле заключен патристический взгляд Пушкина на историю России. Он требует объективности в художественном изображении событий, но пафос его замечания заключается в оправдании великого исторического процесса объединения России вокруг Московского государства.

Пушкин в «Арапе Петра Великого» пишет о своем герое: «Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия».

Действовать на судьбу великого народа — вот в чем видит Пушкин главный смысл жизни своего героя.

А в «Полтаве», ища уничтожающих слов, чтобы охарактеризовать Мазепу, Пушкин говорит о нем:

Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Нет отчизны для него — вот высшая мера осуждения, которую находит Пушкин, выводя на сцену предателя Мазепу.

В своем «Рославле» Пушкин с уничтожающей издевкой отзывается о космополитической нации московских салонов, в которых в 1812 году сначала «...говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации», а потом «...закричали говорить по-французски; все закричало о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долги отправиться в саратовские деревни».

Он противопоставляет этой нации свою героиню Польшу, которая гордо говорит: «...пожар Москвы — дело наших рук? Если так... О, мне можно гордиться именем россиянки! Восстания шумится великой жертве! Узнаю о смерти своего жениха в эту скорбную минуту, Польша говорит его сестре: «Твой брат... он счастлив, он не в плену — радуйся: он убит во спасение России»».

Эти слова как нельзя лучше отражают понимание Пушкиным войны 1812 года, как войны Отечественной, народной, войны, в которой стоял вопрос о независимости и национальном достоинстве России.

Когда мы читаем написанное им в 1831 году стихотворение «Клеветникам России», то нам ясно, что пафос его обращен не против составившей за независимость Польши. Пушкин заблуждался в своей оценке польского восстания, но его стихотворение «Клеветникам России» уходит своими корнями не в 1831, а в 1812 год. Весь его пафос направлен не против восставших поляков, а против западноевропейских, в первую очередь французских политиков, которым, разумеется, не было никакого дела до независимости Польши, но которые стремились использовать восстание как удобный повод для реванша за свой разгром в 1812 году.

Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьба отчаянной отваги —
И ненавидите вы нас...

За что ж вы отвечаете: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожала вы?

За то ли, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

писал Пушкин, прямо адресуя свои стихи призывавшим к новой войне о Российской европейским политикам.

А через пять лет, в 1836 году, в одном из писем он еще раз подчеркнул этот адрес, ссылая на то, что стихи «Клеветникам России» не были переведены раньше: «Отчего вы не перевели этой шесы в

свое время, — писал он, — я бы послал ее во Францию, чтобы раздавать по носу всех крикунов из Палаты депутатов».

IV.

В исторических взглядах и в нравственных исторических интересах Пушкина особенно ясно выступают две важные черты.

Во-первых, о чем бы он ни писал — о 12-м годе или о Смутном времени, о Пугачевском восстании или об эпохе Петра I — он всегда далек от господствующей в его время дворцовой трактовки истории. Он великодушно понимает, что история не делается без народа, что народ является в истории главным действующим лицом. Пушкин всюду или выводит народ на сцену или настойчиво напоминает о его существовании.

Во-вторых, Пушкин обычно избирает предметом своего внимания эпохи больших потрясений и поворотов в жизни России.

Мы вправе сказать, что причина этому лежит отнюдь не только в поисках наиболее драматических исторических сюжетов, но прежде всего в том, что эпохи больших поворотов в общественной жизни России, и в первую очередь эпоха Петра I, привлекали внимание Пушкина потому, что он сам, задыхаясь во все сжимавшихся железных обручах николаевского режима, чувствовал необходимость выхода, поворота в истории России, ждал его и в глубине души упорно надеялся на него.

Патриотизм Пушкина в отношении к современной ему России проявлялся прежде всего в том, что он понимал трагическое противоречие между интересами царского правительства и интересами народа, что он не желал ставить знака равенства между законенной, остановившейся на месте николаевской официальной Россией и Россией подпольной, развивавшейся и бурно двигавшейся вперед, несмотря на все преграды.

Он видел живший в этой России самобытный, предпринимчивый, гордый народ. Он видел в ней растущую отечественную интеллигенцию. Он видел в ней развивающуюся литературу, критику, общественную мысль.

«Вглянитесь на русского крестьянина», — писал он, — «есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смелости и говорить нечего... Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют «Un badaud» (простофиля); никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому».

А рядом с этой высокой оценкой способностей русского народа, его ума и талантов он самым уничтожающим образом оценивал способности пражавшей чиновничьей верхушки. Он говорил о Николае: «Хорош, хорош, а на тридцать лет дураков заготовил».

Пушкин, стоявший очень далеко от официального дворцового патриотизма, так же далеко стоял и от космополитической теории, модных в то время среди русских бар, развешанных по заграничным и отнюдь одесвитым все русское. Царское правительство и отечество были для него два разных понятия, и он их не смешивал.

Глубина общественных взглядов Пушкина, глубина его патриотизма заключалась еще и в том, что, недовольный современными ему русскими правительственными порядками и нравами, осуждая как «глубоко безнравственные» и мечтая об иных порядках, Пушкин в то же время, в отличие от многих своих современников, отнюдь не склонен был идеализировать буржуазный порядок, утвердившийся в Соединенных Штатах, Англии и Франции.

Достаточно вспомнить его беспощадный анализ американской демократии в статье о Джоне Теннере или его оценку английского капитализма в статье «Путешествие из Москвы в Петербург».

«Прочтите жалобы английских фабричных работников», — писал он, — «волоса встанут дыбом от ужаса... Какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид... Совсем нет: дело идет о сухих г-на Биндта или об иголках г-на Джакозона».

С таким же беспощадным сарказмом он оценивал деятельность либеральных французских буржуа, пришедших в 1830 году в власти во Францию.

«Странный народ! Сегодня у них революция, а завтра все становится уже на места». Оценка, точно напоминающая беспощадные пендические оценки деятелей Третьей республики, с той только разницей, что Пушкин написал это на пятьдесят лет раньше.

Пушкин, справедливо считавший пороком невежеством презрение к чужому, в то же время был бесконечно далек от холодного преклонения перед этим чужим и яростно бичевал тех из своих соотечественников, которые осмеливались забывать о национальной гордости и о национальных интересах России.

Еще в 1824 году, в своем «Восбуждаемом разговоре с Александром Я., Пушкин, в ответ на предполагаемый вопрос Александра: «...как это вы могли ужиться с Ивановым, а не ужались с группой Воронцовых?», — отвечает: «Иванов... русский в душе; он не предпринимает первого английского шапала всем известным и неизвестным своим соотечественникам».

В одной из своих статей тридцатых годов Пушкин зло иронизирует над людьми, дающими обеды «иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свои хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках».

С другой стороны, он о уважении отзывается о госпоже де Сталь, которая, по его словам, «...первая отдала народу справедливую русскую науку, ветхому предмету невежественной клеветы писателей иностранных».

Пушкин считал, что русский человек не смеет давать в обиду свое отечество, что он должен любить его, гордиться им, знать его прошлое и настоящее. С негодо-

ванием писал он: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только во времена кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья; со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят бутылку и что дети их бегают в красной рубашке».

Касаясь вопросов литературных, Пушкин всегда с гордостью упоминал о достижениях русской национальной культуры.

«Как материал словесности», — писал он, — «язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими...»

«Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было посылать выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочесть ему Крылова».

В своих замечаниях о русском театре, полемизируя с невежественным пьезопоклоннической критикой, он говорил:

«Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безумным ивадиллом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски?»

Так Пушкин последовательно и упорно, письменно и устно, отстаивал право русского человека гордиться своей русской культурой и литературой.

Одновременно с этим, в своих мнениях о современной ему западной литературе, с обычным доброжелательством высоко оценивая все, что, по его мнению, действительно заслуживало высокой оценки, он в то же время был далек от того бы то ни было преклонения перед смешанными друг друга на Западе модными литературными течениями.

«Противоположности характеров — вовсе не искусство, но пошлая пружина французской трагедии», — писал он в заметках о сочинениях Озерова.

«Слова г. Павлова, — писал он в другой статье, — чисты и свободны, и зредка кажутся манерностью; в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов».

Пушкин оуроо отзывается о наиболее модной тогда французской романтической школе.

«Нам показалось, — что Делор слишком много придает важности нововведениям так называемой романтической школы французских писателей, которые сами подвигают слишком большую важность в форме стиха, в деуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминают трюмпы и пеленки младенчества».

Пушкин оценивал современную ему западную литературу с позиций великого русского поэта-реалиста, проглядывавшего новые пути для отечественной и для всей мировой литературы.

Величайший поэт, величайший писатель, Пушкин был в то же время одним из самых передовых людей своего века. Он был просветителем и главой современной ему русской литературы.

Нельзя говорить о деятельности Пушкина, не упомянув о нем как о вдохновителе «Литературной газеты» и редакторе «Современника». Пушкин чувствовал свою ответственность за судьбу современной ему русской литературы. Он поддерживал все таланты, казавшиеся ему примечательными. Он с чрезвычайным доброжелательством и с заботливым, почти хозяйским вниманием вводил в литературу новых людей. Он дал Гоголю сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Он писал Гнедичу, только что окончившему перевод «Илиады»: «Я жду от вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается и в вас? А Владимир? А Мстислав? А Дюкский, а Ермак? а Пожарский? История принадежит Поэту».

Он по-хозяйски сетовал, что «Жуковский перешел бы все языки, если бы он сам менее переводил».

Он принципиально писал по молодому Белинскому, что тот «...обладает талантом, подающим большую надежду».

Ничто новое в области искусства не выпадало из поля зрения Пушкина. Увидев скульптуру Именова «Мальчик, играющий в бабки», он сказал: «Слава богу! Наконец и скульптура в России явилась народная».

Он протестовал против поверхностности и бездумности. «Не мешало бы нашим поэтам, — писал он с тревогой, — иметь сумму идей гораздо позачтивнее, чем у них обыкновенно водятся».

В ответ на замечание Киреевского, что у нас еще нет литературы, он писал: «Заметьте г-ну Киреевскому, что там, где двадцатилетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое Обозрение и Словесности, там есть словесность — в время зрелости одной же неделаю».

«Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима», — писал он Вяземскому.

А когда тот же Вяземский в своем послании к Жуковскому обмолвился, что язык наш рифмами беден, то, как вспоминает Вяземский, рассерженный и оскорбленный Пушкин сказал ему: «Как хватили в тебе дура сделать такое признание?». Оскорбленному русскому языку принял он за оскорбление, лично ему нанесенное.

Так вынуждал Пушкин как глава современной ему русской литературы, как ее величайший доброжелатель и самый убежденный провозвестник ее великого будущего.

В зрелые годы жизни он соразмерял свои литературные и общественные деяния отнюдь не только со своими личными интересами как поэта и человека, но и с интересами всей русской литературы и русского общества.

«Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только во времена кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья; со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят бутылку и что дети их бегают в красной рубашке».

Нельзя без волнения, без чувства преклонения перед мощным русским характером этого человека читать его слова, сказанные им в 1837 году, незадолго до гибели, когда он стремился любой ценой пресечь направленные к его унижению проекты двора и петербургских космополитических салонов. Он говорил:

«Мне мало того, что мое имя не запятнано в глазах моих друзей и того круга знакомых, в котором я враждую, мое имя принадлежит стране, и я должен следить за его неприкосновенностью всюду, где оно известно».

Лишь оценив огромную деятельность Пушкина во всем ее размахе, мы можем понять все значение его гордых слов, сказанных в ответ на вопрос: «Где вы судите?»

«— Я числюсь по России».

V.

И вот, посредстве своего великого поприща, в разгаре благородной и многогранной деятельности, Пушкин пал от руки наемного убойца, не уменшего двух слов связать по-русски, великодушествого прощальны, безродного космополита Дантеса.

29 января 1837 года, в 2 часа 45 минут пополудни, Пушкина не стало.

«Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были словно протянуты, как будто упавшие для отдыха, после тяжелого труда».

Так потом вспоминал об этой минуте Жуковский.

Через квартиру на Мойке, где лежало тело Пушкина, несчастью чередой обнаженных голов скорбно и гневно проходила вся читающая Россия.

И Кольцов в письме к Краевскому, выражая мысли тысяч и тысяч этих русских людей, написал все горше, всех проше, и быть может, поэтому всех сильнее: «Александр Сергеевич Пушкин помер; у нас его уже более нету!.. Прострелено солнце».

А через несколько дней Краевский, напечатанный в газете некролог о Пушкине, вызвали к председателю пензенского комитета князю Дунюкову-Корсакову:

«Я должен вам передать, — сказал он, — что министр крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце погинуло!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще?.. Писать стихи не значит еще... проходить великое поприще!»

Так над гробом Пушкина сошлись две России: Россия правительственная, николаевская, та, которую он всю жизнь ненавидел и с которой всю жизнь боролся, и Россия молодая, прогрессивная — та, за которую он всю жизнь боролся и за которую он отдал свою жизнь.

Борьба между этими двумя Россиями продолжалась и за гробом Пушкина. Пушкин, такой, каким он был на самом деле, величайший, национальный и тем самым великий, мировой поэт, Пушкин — передовой общественный деятель, Пушкин — глава и зачинатель новой реалистической, проникнутой народным духом русской литературы, был враждебен официальной правительственной России и, естественно, всем тем, кто находился в услужении у этой правительственной России. Идеологически оружием реакционного русского дворянства, а следовательно и не менее реакционного русского капитализма, на протяжении многих десятилетий сознательно и враждебно пытались искоренить образ Пушкина. И прежде всего они пытались признать его, оторвать его от национальных корней, от той народной стихии, которой дышит все его творчество.

Велькое свойство Пушкина включать в круг своих интересов все богатство мировой литературы, его гениальную способность охватывать своим взглядом жизнь других народов в ее глубочайшем проникновении в эту жизнь, изображать ее с той же художественной силой, как и жизнь собственного народа, они пытались превратить в живую легенду о подражаниях и заимствованиях.

Пушкина, бесконечно любившего русский народ и Россию, понимавшего их великое место среди других народов и стран, Пушкина, который так любил и знал историю и культуру своего народа и именно поэтому с глубоким вниманием и уважением относился к культуре и истории других народов, они пытались изобразить как человека, лишнего национальных корней, как поэта, которого интересовали лишь так называемые «вечные идеи» безотносительно к тому, на какой почве и в какой исторической обстановке эти идеи рождались.

Именно поэтому они с необъяснимым рвением занимались вопросом о влиянии на Пушкина различных иностранных авторитетов, начиная с Байрона и кончая Шенье. Они крохоборчески выясняли все мелкое и по большей части мнимые совпадения в стихах и сходстве в сюжетах, все самые отдаленные намеки на какое бы то ни было влияние, они старались всем этим, как песком, засыпать глаза читателю Пушкина, помешать ему увидеть то главное, что было в Пушкине, — его национальные, народные истоки, его русскую самобытность, которую он силой своего гения поднял на вершину мировой литературы.

Было бы неверно отрицать широкий и пристальный интерес Пушкина к мировой литературе, к Шекспиру, Байрону или Вальтеру Скотту, интерес, о котором он сам без обиняков говорит на страницах своих статей и заметок. Естественно, что великий поэт, находившийся на вершине мировой общественной мысли и культуры своего времени, использовал из богатства мировой культуры все то, что казалось ему полезным и нужным для роста и развития отечественной литературы, для собственного могучего развития.

Но было бы неверно отрицать широкий и пристальный интерес Пушкина к мировой литературе, к Шекспиру, Байрону или Вальтеру Скотту, интерес, о котором он сам без обиняков говорит на страницах своих статей и заметок. Естественно, что великий поэт, находившийся на вершине мировой общественной мысли и культуры своего времени, использовал из богатства мировой культуры все то, что казалось ему полезным и нужным для роста и развития отечественной литературы, для собственного могучего развития.

Таким образом, Пушкин был человеком, который не мог не думать о будущем своей родины, о будущем своей культуры, о будущем своей литературы, о будущем своего народа.

Но разве Пушкин велик тем, что не него в то или иное время, в той или иной степени повлият тот или иной писатель?

Он велик тем, что он сам влиял на передовых читателей современного ему русского общества, влиял на десятки и сотни миллионов русских людей на протяжении многих поколений, вплоть до наших дней, влиял на великую русскую и на мировую литературу.

Он велик тем, что был первым реалистом в мировой поэзии, давшим высочайшие образцы реализма в эпоху, когда в поэзии господствовали романтизм, когда для того чтобы создать и закрепить новые реалистические традиции, ему нужно было буквально продираться сквозь дебри романтизма.

Пушкин на арене литературы, как боец, сталкивался с чужими влияниями, как с противником, и, равно или поодиночке, каждый раз клал этого противника на обе лопатки.

Так было с Байроном, когда Пушкин не в подражание, а вопреки романтическому пессимизму Байрона, создал свой реалистический роман «Евгений Онегин» — энциклопедию русской жизни.

Так было с Вальтером Скоттом, когда Пушкин, ценявший его романтизм, но не считавший его реалистическим произведением, вопреки им создал свою глубоко реалистическую «Капитанскую дочку», «Арапа Петра Великого», «Историю Пугачева».

Неужели же, сколько-нибудь глубоко задумавшись над величественной фигурой Пушкина, нельзя было этого понять?

Нет, не понять это было нельзя. Критики, об явившие Пушкина подражателем знаменитым образцам, не заблуждались, они сознательно клеветали на Пушкина.

Они смотрели на русскую литературу и на русский народ иначе, чем Пушкин, считавший эту литературу литературой о великом и общественным будущим и этот народ — народом с великой и собственной судьбой.

Николаевское и засыпавшее перед всем иностранным, поведшее в некоторых кругах старой России со времен Петра Первого и выгодное кому угодно, кроме России и русского народа, шедшее от омерзительной, оранжированной и инглизированной правящей элиты старой России, пренебрежение ко всему русскому, в том числе и к русской литературе, проявление нечеловечности и второстепенности русской культуры и русского человека — вот корни всех этих предвзятых и оскорбительных для достоинства русской литературы чудовищных теорий о несамостоятельности творчества Пушкина, о его мнимой зависимости от западных образов.

Но это была только одна сторона той реакционной борьбы против Пушкина, которую вели идеологические оруженосцы правящих классов парской России. Вторая сторона их борьбы против Пушкина заключалась в не менее клеветнических попытках объявить Пушкина своим союзником и исполнять его против той самой линии демократической русской литературы, родоначальником которой был Пушкин.

Реакционеры в политике и сторонники «искусства для искусства» в литературе стремились объявить Пушкина сторонником «искусства для искусства».

Первый биограф Пушкина Анненков писал, что Пушкин «...наслаждался искусством признает... единственной целью своей жизни, пренебрегая и отбрасывая все другие многообразные цели, которые влекут его современников».

Примерно то же самое писал и Дружинин и Фет.

В XX веке буржуазные эстеты продолжали все ту же линию эстетов дворянских. Наиболее полно и злобно ее выразил Мережковский, об явивший Пушкина провозником «чистого искусства» и заявивший, что «вся последующая история русской литературы есть история... борьбы за пушкинскую культуру с нахлынувшей волной демократического варварства», причем под демократическим варварством он подразумевал все демократическую литературу во главе с Добролюбовым и Чернышевским.

Мережковский был не одинок. Реакционные русские декаденты, состоявшие на содержании у российского капитализма

В АВАНГАРДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В эти дни мы отмечаем юбилей великого Пушкина. В Советском Союзе, республике трудящихся, мы празднуем юбилей гения, который за сто лет до Октябрьской революции появился, как блестящий метеор, в небе русского народа.

Русский народ выдвинул из своих рядов столько гениев, что сложилось бы признание правоты Чернышевского, утверждавшего, что каждый человек в определенных условиях может стать гением. Больше того: Чернышевский даже утверждал, что такие условия можно создать. Возможно, он прав. Какой другой народ до русского заставил музу истории выместить весь мусор из своего дома?

В Советском Союзе, в республике трудящихся, талант ценится, как нигде в мире. Старый мир хвастается своим «индивидуализмом», но превращает таланты в бездушную массу, когда они больше не могут быть использованы для рекламы. А здесь, в Советской стране, народ почитает своих поэтов в благодарность за то, что они совершили.

Пушкинские торжества являются блестящим примером благодарности и любви русского народа. Разрешите мне при-

Речь Мартина Андерсена Нексе
в Большом театре Союза ССР

зваться: я считаю величайшим счастьем в своей жизни, что русский народ сделал меня своим приемным сыном, русский народ, являющийся авангардом пролетариата и человечества, заменивший лживый буржуазный «индивидуализм» подлинным уважением к личности.

В Советском Союзе, где рабочий освобожден от рабских пут буржуазного алгебраизма и сам является главной частью целого, благодарность превратилась в прекрасную заповедь. Приведу к тому, что отношения между людьми стали дружескими и радостными. Я сам никогда не чувствовал неблагодарности со стороны пролетариата, но являюсь благодарным не потрясала меня так, как здесь, в СССР.

Как прекрасна благодарность русского народа своему великому поэту Пушкину!

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

Речь Эми Сю
в Большом театре Союза ССР

Через множество гор и рек, прорезая туманы и облака, я с берегов трех морей прилетел на берег Москвы в столицу советского народа, в столицу всех народов, борющихся за свою независимость и свободу, прилетел, чтобы участвовать в славном юбилее великого русского поэта, гения мировой литературы Александра Пушкина.

Мы, китайские писатели, счастливы, что учились у русских классиков и продолжаем учиться у них, учиться у советской литературы. Гуманизм и реалистичность, жизненность и целеустремленность классической русской и советской литературы привлекают внимание китайских писателей, начиная с великого Лу Синя, который был первым, кто познакомил китайский народ с Пушкиным.

Народы Советского Союза могут по праву гордиться таким великим сыном, каким был Пушкин. Он был певцом своего народа, он беззаветно любил свою родину. Это великий пример для прогрессивных читателей всего мира.

Товарищ Сталин назвал писателя «внучерем человеческих душ». Вождь ки-

тайского народа Мао Цзе-дун учит нас, работников литературы и искусства, верой и правдой служить народу.

Пушкин — глубоко русский, национальный поэт, и именно поэтому он — великий мировой поэт. Сбылась его пророческая мечта. Слух о нем прошел по всей Руси великой. Но уже давно этот слух перешагнул границы родины Пушкина. Творения поэта известны всему миру.

В Китае начали переводить Пушкина с 1903 года. Китайский народ знает, читает и любит Пушкина. Знаменательно, что единственный иностранный писатель, которому на китайской земле поставлен памятник, — это Пушкин. Когда-то Пушкин хотел поехать в Китай, но жандармы не позволили ему этого. Если поэту не удалось осуществить свои мечты при жизни, то теперь

они сбылись. Он гордо стоит над рекой Хуан-Пу, в Шанхае, недавно окончательно освобожденной китайской народной армией.

Сегодня в Байине и Мукеде, в Харбине и Шанхае, в Нанкине и Ухане китайский народ чтит память великого русского поэта. О нем делают доклады виднейшие китайские поэты, писатели, культурные деятели. Мы празднуем юбилей Пушкина в Китае в дни решающих побед народа над реакционной кликой Чан Кайши и его хозяевами — американскими империалистами. Мы, китайские писатели, ученики Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького, Шевченко, Руставели, поэтами Сю Юаня, Ли Бо, Ду Фу, Лу Синя, наследники тысячелетней культуры китайского народа, под знаменем Ленина — Сталина, под водительством Мао Цзе-дуня, рука об руку со всеми демократическими народами, смело идем к новым победам.

Пусть расцветает литература и искусство, наука и культура наших стран! Пусть крепнет дружба советского и китайского народов.

В Париже и вне Парижа

IV. За кулисами киноэкрана

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Париж наводнен американскими фильмами. В сотнях парижских кинозалов лишь с трудом удается найти французскую картину. На основе договора с Америкой Франция ограничила до минимума свое кинопроизводство, и огромное, подавляющее большинство кинотеатров не имеет права показывать другие фильмы, кроме американских. Некоторые из этих фильмов дублированы на французском языке, часть только снабжена французскими надписями, а многие идут без всяких переводов — прямо на английском языке. Абсолютно все доставляемые в Париж из США кинокартины обязательно должны демонстрироваться.

И на парижских экранах господствуют американские серийная кинооплата, третьеразрядные, калитурные реву с третьеразрядными актрисами. И, разумеется, уголовно-детективные фильмы. В первую очередь — гангстерские.

А разве в апреле на экранах Парижа не показывали новый фильм Диснея? «Три кавалера»? Да, показывали. Я видела его. Но этот фильм никак не может служить аргументом против того, что французам кормят всаческой киношешкой. Наоборот. Он только подтверждает это.

Это стремление американских колонизаторов воспитать Францию в выгодном для себя духе, воспитать ее таким образом, чтобы легче можно было проводить свои планы дальнего прицела, не вызывая естественного отпора. В этом кино-киножорничестве безумии есть метод. И весьма последовательный метод.

— Но выпускаются ведь и французские фильмы? — спросите вы.

Разумеется, да. Они уходят в потоках американской макулатуры. Их показывают в десяти-пятнадцати кино в нескольких сотнях, насчитывающихся в Париже. Поэтому найти их и посмотреть — задача весьма нелегкая.

Во французских фильмах играют хорошие, иногда просто отличные актеры. Их делают хорошие, иной раз отличные режиссеры. Снимают хорошие, часто отличные операторы.

— Значит и фильмы хорошие или даже отличные?

Нет, не значит. Фильмы далеко не блестящие, а часто и вовсе плохие. Им не хватает как раз того, что дает возможность хорошему актеру, хорошему режиссеру и хорошему оператору, объединившись, создать хорошую кинокартину. В фильме должен быть сценарий, а в сценарии должна быть мысль, идея, способная возволновать зрителя, пробудить в нем сильное чувство, воздействовать на его разум. Речь идет не просто о логической связи кадров, а о глубокой осмысленности образов, которая определяет, заблется ли от картины сильнее сердце зрителя, или он останется холодным, запомнит ли он ее или забудет сразу же после того, как мелькнет последний кадр и в зале возникнет свет.

Почти в любом французском фильме чувствуется это отсутствие оживления. Нет в нем сценария, на основе которого можно сделать хорошую кинокартину. Я говорю здесь о последних, самоубийственных французских фильмах, о тех, какие мне удалось посмотреть. О тех, которые появились на экранах уже в «американский» период жизни Франции.

Итак, есть отлично сделанные детективные фильмы с Жуво — превосходным актером, которого, к сожалению, нам не удалось увидеть на сцене. Разумеется, они неизмеримо лучше одиозных американских кинокартин. Они сделаны с тактом и чувством меры, без американской вульгарности и хамства, с характерами, даже с психологией. Но все же это опять-таки детективные фильмы.

Мы видели кинокартину, рассказывающую о жизни учителя, борющегося в глухой меандской провинции за реформу воспитания детей. Многие безудержно восхищаются им. Мне думается, эти восторги обобщаются тем, что кинокартина, вообще затрагивающая какую-то социальную проблему, пытающаяся разрешить какой-то вопрос, является сейчас во Франции редкостью. В картине чувствуется чрезвычайно слабая попытка подражания фильму «Далеко в Европе». Французы обильно оценили ее ценность, и высокую оценку ее важности проблемы, которую авторы осмелились затронуть: французская школа весьма отстала и продолжает регрессировать, а методы воспитания в ней напоминают средневековые. Вот почему герой фильма — учитель, осмелившийся ее критиковать и делаящий попытку реформировать ее хотя бы и в ничтожном объеме, вызвал такой восторг. Возможно, что на общем фоне нынешней французской кинопродукции эта картина действительно заслуживает внимания. Однако на наш взгляд она все же бледна, растянута и малоубедительна.

Давно прошло время, когда Уолт Дисней делал хорошие фильмы. Нас смущали и даже трогали его забавные короткометражки. Мы оценили по заслугам мастерство Диснея в «Бемби». Но «Три кавалера» — это нечто совершенно иное. Это свидетельство того, до чего может докатиться искусство, находящееся на порогу и банковских магнатов и политических гешефтмахеров. «Три кавалера» — это двухчасовая чудовищная оргия красок, форм, свершений без всякого смысла, которая называется — «ли садлу, ли ладлу». Дисней на этот раз встал в работу не только земной шар, но чуть ли не космос. В его «киноорбиту» оказались включенными не только все части света, но и звезды, поющие человеческие голоса, и цветы, превращающиеся в звезды, и какие-то странные небесные тела, состоящие из вздрагивающих, вспыхивающих и геометрических орнаментов. И тут же, рядом, — настоящие актеры, живые люди, переживающие между нарисованными пунктиром зверьками. Из смещения всего этого образуется совершенно бессмысленная чепуха, единственная задача которой состоит в отуплении людей. После просмотра этой картины ощущаешь резь в глазах и полнейшую сумятицу в голове.

Задача отупления людей... Не слишком ли часто мы говорим о ней?

Нисколько. Взгляните на афиши и фото парижских кино, на витрины парижских книжных магазинов.

Рядом лежат небольшие, хорошо изданные книжки. Детективные романы. Все они переведены с английского и принадлежат перу американских авторов. Эти книги выходят целыми сериями и стоят дешево, чрезвычайно дешево. Их огромное количество. Для того, чтобы купить книжку французского автора, нужно произвести чувствительный раскол. А этот приятно изданный мусор вы можете купить почти даром. Он обещает историю о бандитах, гангстерах, перестрелках, убийствах. Причем граница между гангстером и честным человеком стирается здесь почти полностью, а иногда и целиком. Неизвестно, кто больше виноват: убийца или убиваемый. А удачные дела, продолжающиеся в рубль в руках, возмездие чуть ли не в рубль герою. Я читал свободно в оригинале Мопассана, Бальзака и Золя. Но тут я часто не понимала не только отдельных фраз, но с трудом улавливала смысл целых абзацев. Попа, наконец, это-то, сжалившись надо мной, не разгляди мне, что я напрасно этим огорчаюсь, — это язык воров, проституток, различные виды жаргона, но во все ли литературный французский язык.

Сегодня в Байине и Мукеде, в Харбине и Шанхае, в Нанкине и Ухане китайский народ чтит память великого русского поэта. О нем делают доклады виднейшие китайские поэты, писатели, культурные деятели. Мы празднуем юбилей Пушкина в Китае в дни решающих побед народа над реакционной кликой Чан Кайши и его хозяевами — американскими империалистами. Мы, китайские писатели, ученики Пушкина, Гоголя, Толстого, Горького, Шевченко, Руставели, поэтами Сю Юаня, Ли Бо, Ду Фу, Лу Синя, наследники тысячелетней культуры китайского народа, под знаменем Ленина — Сталина, под водительством Мао Цзе-дуня, рука об руку со всеми демократическими народами, смело идем к новым победам.

Пусть расцветает литература и искусство, наука и культура наших стран! Пусть крепнет дружба советского и китайского народов.

ЛЕОН КРУЧКОВСКИЙ ПУШКИН С НАМИ

Правящие круги буржуазной Польши стараются помешать знакомству поляков с Пушкиным. Но и тогда ореди прогрессивной польской интеллигенции было много поклонников гениального поэта. Создатель «Онегина» был известен и более широкой общественности еще и потому, что его имя связывалось с Мицкевичем, творчество которого также подвергалось преследованию в отарой Польше. Никто в то время не отдавал себе отчета в том, какую исключительную роль сыграл и в будущем эта необыкновенная дружба двух великих славянских поэтов.

Для нас, для польского народа, идущего сегодня совместно с народами Советского Союза к общей цели, образ Пушкина особо близок и любим. Пушкин и Мицкевич были сыновьями братских славянских народов, одинаково угнетавшихся одними и теми же враждебными силами. Они любили друг друга любовью людей смелых и свободных. Они восставали против целей, которые сковывали их народы. Это была великая историческая дружба, которая переносила свою эпоху и оставалась жить в веках. Это была та дружба, которая оставляет отпечаток в истории народов и воспламеняет воображение будущих поколений. Это была дружба гениев, обращенная к силам завтрашнего дня — к созревающим силам, которые в грядущей борьбе были призваны отстоять общую свободу и общее счастье. Преследованию двух гениев в старой Польше противостояли усилия передовых поэтов, которые свою любовь к «князю Пушкину» соединили с почетной и трудной работой на переводах его произведений. Однако даже в последние годы перед второй мировой войной, возможно, и они сами во главе с Юлианом Тувюмом в полной мере не осознавали, что являются пионерами доброго и прекрасного дела, которое несколько лет спустя найдет условия для широкого и полного развития.

Нисколько. Взгляните на афиши и фото парижских кино, на витрины парижских книжных магазинов.

Рядом лежат небольшие, хорошо изданные книжки. Детективные романы. Все они переведены с английского и принадлежат перу американских авторов. Эти книги выходят целыми сериями и стоят дешево, чрезвычайно дешево. Их огромное количество. Для того, чтобы купить книжку французского автора, нужно произвести чувствительный раскол. А этот приятно изданный мусор вы можете купить почти даром. Он обещает историю о бандитах, гангстерах, перестрелках, убийствах. Причем граница между гангстером и честным человеком стирается здесь почти полностью, а иногда и целиком. Неизвестно, кто больше виноват: убийца или убиваемый. А удачные дела, продолжающиеся в рубль в руках, возмездие чуть ли не в рубль герою. Я читал свободно в оригинале Мопассана, Бальзака и Золя. Но тут я часто не понимала не только отдельных фраз, но с трудом улавливала смысл целых абзацев. Попа, наконец, это-то, сжалившись надо мной, не разгляди мне, что я напрасно этим огорчаюсь, — это язык воров, проституток, различные виды жаргона, но во все ли литературный французский язык.

А фильмы? Опять гангстеры, опять бандиты, опять ловкие, но весьма бессюжетные способы приобретения денег, снова несомненно дивные, красивые, но имеющие других занятий, кроме танцев и развлечений.

Что мне это напоминает? Где это уже было?

Ну, разумеется, в Польше, в годы немецкой оккупации, когда не выходили совсем польские газеты, книги, брошюры. При гитлеровцах в Польше, когда запрещалось печатать польские классики, а современные писатели прятали свои рукописи в ожидании лучшего будущего. Но зато огромными тиражами издавались на польском языке порнографические листки и эротические романы, а в среде молодежи насладились всецелые извращения, пьянство, бандитизм. В общей фашистской плановости Европы и уничтожения свободных народов входила не только душегубка и печи лагерей смерти, но и усиленная идеологическая обработка, направленная к тому, чтобы привести эти порабощаемые народы к полной культурной деградации и моральному вырождению.

Произведения Пушкина, переведенные на польский язык, в полном объеме появились только в народной Польше, которая, свергнув помещичье-капиталистическую власть, встала на путь строительства социализма.

Для польской культуры настало время, какого никогда до сих пор не было, — время выявления всех сокровищ прогрессивной литературы, произведений великих поэтов и писателей, которые раньше скрывались от польского народа. Стопятидесяти годовщина со дня рождения А. С. Пушкина (которая счастливо совпала у нас с «годом Мицкевича») вызвала особенно широкий интерес к его творчеству. Вскоре польский читатель получит большое шеститомное издание произведений Пушкина.

Пушкин — самый понятный и читаемый поэт, каких мало среди других знаменитых поэтов мира. Всем своим творчеством Пушкин говорит, что литература тогда действительно национальна, когда она народна.

Вот почему Пушкин особенно близок и дорог нам, полякам. В братском единении с русским народом и всеми народами Советского Союза Польша наших дней, Польша, отрящая основы социализма, чувствует великого Пушкина.

Мы видели кинокартину, рассказывающую о жизни учителя, борющегося в глухой меандской провинции за реформу воспитания детей. Многие безудержно восхищаются им. Мне думается, эти восторги обобщаются тем, что кинокартина, вообще затрагивающая какую-то социальную проблему, пытающаяся разрешить какой-то вопрос, является сейчас во Франции редкостью. В картине чувствуется чрезвычайно слабая попытка подражания фильму «Далеко в Европе». Французы обильно оценили ее ценность, и высокую оценку ее важности проблемы, которую авторы осмелились затронуть: французская школа весьма отстала и продолжает регрессировать, а методы воспитания в ней напоминают средневековые. Вот почему герой фильма — учитель, осмелившийся ее критиковать и делаящий попытку реформировать ее хотя бы и в ничтожном объеме, вызвал такой восторг. Возможно, что на общем фоне нынешней французской кинопродукции эта картина действительно заслуживает внимания. Однако на наш взгляд она все же бледна, растянута и малоубедительна.

Мы видели и другую картину, в которой словно сконцентрированы все темные стороны французского кино, и не только кино. Это фильм «Манон» с «Манон Леско» он не имеет ничего общего, хотя реклама и старается ввести зрителя в заблуждение, а автор сценария и заявил, что «шедевр Превю был для него истинным вдохновением». Главные действующие лица — любовник и любовница. А он изменяет ему, всачески его обманывает, а он ей все прощает. Но основное не в этом. Любовники, пытаясь избежать смертельной опасности, попадают на пароход, нелегально возвизит евреев в Палестину. На экране возникает целая гешта страданий. Люди гибнут на пароходе, на берегу, в пустыне, люди умирают в мучках от голода, жажды и усталости. С ужасающими, почти нечеловеческими усилиями бредут они через пустыню, и вот, наконец, они уже видят пальмы, которые близко, рукой подать, еще немного — и маленькая группа людей, преодолевшая все трудности, будет спасена. Но тут появляются арабы. Завязывается короткий бой в пустыне, и любовники становятся свидетелями того, как арабы убивают всех, кому удалось добраться до этого места, казавшегося вратами спасения.

Но, быть может, случится хотя бы один вариант? Ничего подобного. Шальная пуля ранит девушку. И начинается чудовищная, отталкивающая сцена умирания. Героиню играет хорошая актриса, о прекрасном лице. Теперь режиссер напинает со вкусом пообразовать ее смерть. Молодой человек держит умирающую в объятиях так, что зритель все время крупным планом видит ее лицо. А она, Агония. Из носа умирающей начинает течь слезы. Медленно, долго. Она течет, течет из носа на губы, на подбор-

ДИМИТР ПОЛЯНОВ НАШ СОВРЕМЕННОК

Ни один другой поэт не оказал такого сильного и благотворного влияния на болгарскую литературу, как великий Пушкин.

Еще в 50-х годах прошлого столетия болгарский «просветитель» Петко Р. Славейков перевел несколько стихотворений Пушкина.

Творчество гениального русского поэта чрезвычайно помогло Славейкову в создании болгарского литературного языка, направило его внимание на болгарское народное творчество.

В середине 60-х годов учитель Никола Козлов написал свою замечательную поэму «Черный арап и гайдук Сидер», в которой явно сказались пушкинские влияния.

Особенно сильное влияние оказал Пушкин на нашего вдохновенного поэта-революционера Христо Ботева, стихотворения которого «Моя молитва», «На прощанье», «Хаджи-Димитр» и самое яркое из всех — «Борьба» (она явно навеяно пушкинской одой «Вольность») были явлением, какого до тех пор не знала новая болгарская литература.

Большое влияние Пушкина испытали на себе наш народный поэт Иван Вазов, которому принадлежат первые лучшие переводы пушкинских стихов, а также многие другие болгарские поэты.

Первый, кто под воздействием Белинского, Добролюбова и Чернышевского еще в 70-х годах прошлого века показал, что сила и значение Пушкина не только в блестящей форме его стиха, но и в глубине чувства, в его возвышенности и гуманизме, — был родоначальник социалистического движения в Болгарии — Димитр Благоев.

Пушкин всегда был с нами. Даже после того, как было потоплено в крови сентябрьское восстание 1925 года, болгарские литераторы находили пути и спосо-

бы бороться за светлые идеалы социальной справедливости, вдохновляемые примером великого русского поэта и современных советских писателей.

Так, по случаю столетия со дня рождения декабристов автор этих строк написал статью «Восстание мятетелей». Я перевел на болгарский язык послание А. С. Пушкина декабристам и их ответ. В связи со столетней годовщиной со дня смерти Пушкина, в 1937 году, все наши крупные писатели издали в честь поэта специальную листовку «А. С. Пушкина», хотя это было очень трудно осуществить в условиях фашистской цензуры.

Большевистская литературная критика помогла нам увидеть гиганта Пушкина во весь рост. Пушкина — первого поэта-реалиста не только в русской, но и в мировой литературе. Пушкина — первого гласная литературы, как большого общественного дела. Пушкина, который обрамил все свое творчество вперед, в будущее, который глубоко верил в человеческий разум и прогресс, воспевал и боролся за свободу, братство и счастье всех народов.

Пушкин — это гений не только русской, но только славянской, но и общечеловеческой культуры. Вот почему Пушкин принадлежит всем нам, он со всеми нами. Он наш современник и вдохновитель.

Я невыразимо счастлив, что имел возможность написать эти беглые строки в столице Советского Союза, перед откровенными башиями и стенами древнего Кремля, в Москве — родном городе бессмертного певца свободы.

Слава великому Пушкину!

Слава великой Москве — провозвестнице высшей культуры человечества и мира! Да здравствует великий Сталин, надежда и опора всеобщего мира, покровитель и друг всех свободных народов!

Во Всесоюзном комитете по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина

Всесоюзный комитет по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина пригласила на пушкинские торжества ряд зарубежных писателей. Почти все приглашенные писатели прибыли в Москву. Известный американский писатель Говард Фаст, приговоренный судебными властями США к тюремному заключению и штрафу за свои прогрессивные взгляды, в настоящее время находится под надзором полиции, в силу чего не смог приехать на пушкинские торжества. Индийскому писателю Мулк Радж Ананду власти отказали в разрешении на выезд в СССР. Японскому писателю Кориохито Курохара выехать в СССР на празднование юбилея Пушкина запретил штаб Макартура.

Кориохито Курохара прислал Всесоюзному комитету по проведению 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина следующее письмо:

«Выражаю свою глубокую благодарность за Ваше любезное приглашение участвовать в Москве на праздновании 150-летия со дня рождения гениального русского народного поэта Александра Сергеевича Пушкина. Я надеялся присутствовать на торжестве — на великом всенародном празднике социалистической культуры. Я разделяю радость победы войны первым среди японцев, получившим возможность собственными глазами увидеть

результаты великого строительства социализма в СССР.

Подготовляясь к отъезду, я подал заявление в главный штаб генерала Макартура о разрешении на поездку в СССР.

Несмотря на все мои усилия, а также несмотря на настоящие ходатайства японских демократических организаций, этого разрешения я не получил. Поэтому, к глубокому моему огорчению, участие в великом торжестве в Москве стало для меня фактически невозможным.

Будучи здесь, в Японии, душой с Вами, искренне желаю всем Вам успешного проведения торжественного празднования в Советском Союзе.

С товарищеским приветом Кориохито Курохара».

Известный английский писатель Бернард Шоу в ответ на приглашение прислал послу СССР в Великобританию т. За-рубину письмо следующего содержания:

«Мне оказана большая честь, и я очень благодарен за приглашение комитета по празднованию пушкинских дней, переданное мне Вашим превосходительством, и очень сожалею, что мой голы (93) не дают мне возможности повторить мой визит 1931 года в Москву, который остался самым ярким из всех моих дорогих воспоминаний. До сих пор СССР интересует меня больше, чем какое-либо другое государство в мире, включая мою страну. Дж. Бернард Шоу».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: И. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.